

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Коптев А.В.

<http://countor.co.kz>

ПОНЯТИЕ И ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Возникновение цивилизаций

Индустриальная цивилизация

Понятие цивилизация в доиндустриальную эпоху

Типы цивилизаций

Характерные черты цивилизации

Цивилизации и рабовладельческая формация

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Возникновение античной цивилизации

Становление цивилизации

Расцвет полисного строя

Кризис полисного строя

Античная цивилизация в римской оболочке

Этапы развития античной цивилизации в рамках Римской державы

Позднеантичное общество

С легкой руки А. Тойнби понятие "цивилизация" стало привычным в инструментарии историка. Однако, как часто бывает, легче ввести в оборот слово, чем дать вразумительное объяснение его смысла. Русская наука, особенно склонная к теоретизированию, сейчас переживает пик увлечения этим понятием. К сожалению, эта любовь так же слепа, как и питающая ее неприязнь к недавно еще популярному марксизму. Говорят, что о терминах не спорят, а договариваются. Однако договор, предполагающий склонность к компромиссу, не является инструментом открытия нового. Тогда как термины являются знаковыми символами движения знания по пути его усложнения. Использование нового термина определяется не договоренностью авторитетных исследователей, а интуицией одаренных одиночек, сумевших уловить начало еще не известного знания и раньше других сделать шаг ему навстречу.

Говорят, что историю творят народы, классы, политики... Конечно, все они что-то *творят*. Ирония, наверное, неуместна, если судить о великих мирах сего с точки

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Коптев А.В.

<http://countor.co.kz>

ПОНЯТИЕ И ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Возникновение цивилизаций

Индустриальная цивилизация

Понятие цивилизация в
доиндустриальную эпоху

Типы цивилизаций

Характерные черты цивилизации

Цивилизации и рабовладельческая
формация

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Возникновение античной
цивилизации

Становление цивилизации

Расцвет полисного строя

Кризис полисного строя

Античная цивилизация в римской
оболочке

Этапы развития античной
цивилизации в рамках Римской
державы

Позднеантичное общество

С легкой руки А. Тойнби понятие "цивилизация" стало привычным в инструментарии историка. Однако, как часто бывает, легче ввести в оборот слово, чем дать вразумительное объяснение его смысла. Русская наука, особенно склонная к теоретизированию, сейчас переживает пик увлечения этим понятием. К сожалению, эта любовь так же слепа, как и питающая ее неприязнь к недавно еще популярному марксизму. Говорят, что о терминах не спорят, а договариваются. Однако договор, предполагающий склонность к

компромиссу, не является инструментом открытия нового. Тогда как термины являются знаковыми символами движения знания по пути его усложнения. Использование нового термина определяется не договоренностью авторитетных исследователей, а интуицией одаренных одиночек, сумевших уловить начало еще не известного знания и раньше других сделать шаг ему навстречу.

Говорят, что историю творят народы, классы, политики... Конечно, все они что-то *творят* . Ирония, наверное, неуместна, если судить о

великих мира сего с точки зрения
обычного человека. Возникает
подозрение в раздувшемся
самоуверченности. Но если взглянуть на
мир, приблизившись трудом ума и
души к богам (ну, хотя бы к Аполлону
– покровителю знаний и искусств),
сильных мира не просто отличить от
нас, грешных. Здесь-то и
вспоминается Сократовское: "а
просто я знаю, что ничего не знаю..."

Но история остается только в
трудах историков. Все остальное
проходит, трансформируясь в
совершенно новые формы. Остаются
лишь немногие следы прошедшего.

Ars longa, vita brevis... Историки – это те, кто сделал своей профессией читать следы некогда бывших людей, государств, цивилизаций. Нет современной истории, есть жизнь, которая еще не стала историей. Для большинства наших читателей вполне представима цивилизаторская миссия скажем британских колонизаторов где-нибудь в Африке или Индии. Однако редко кто согласится с утверждением, что солдаты Наполеона или армия фашистской Германии выступали на территории России в роли такого же орудия Европейской цивилизации, как и

конквистадоры Кортеса или пионеры дикого Запада. Только ли дело в том, что одни завершили свое дело успешно, а другие – нет?

Предлагаемые здесь статьи о развитии античной цивилизации не являются завершенными работами. Уже сейчас я вижу необходимость скорректировать некоторые их утверждения. Однако всякая теория является не более чем рабочим инструментом познания, возможности которого столь же ограничены, как и пределы самого человеческого знания. Поэтому желаю Вам воспринять написанное

здесь с той же долей иронии, с какой я писал это. Многие воспринимают науку чересчур серьезно, увлекаясь формальной логикой и "статистическими данными", которые на поверку сами по себе ничего не доказывают. Уместно напомнить здесь маленькое стихотворение великого А.С.Пушкина о предполагаемом споре концепций Гераклита и Парменида, выходящем далеко за пределы античной темы:

*"Движенья нет", – сказал мудрец
брадатый.*

*Другой смолчал и стал пред ним
ходить.*

*"Сильней бы и не смог он
возразить", -
хвалили все ответ замысловатый.
Однако ж, господа, забавный
случай сей
На память мне другой пример
приводит:
Ведь каждый день пред нами
солнце ходит,
А все же прав упрямый Галилей.*

ПОНЯТИЕ И ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Возникновение цивилизаций .

Понятие *цивилизация* обычно используется в нескольких значениях. Наиболее общим из них является обозначением в качестве цивилизации современного развитого, преимущественно западного типа, общества. При этом *цивилизованное общество* противопоставляется обществам, не достигшим ставших нормативными в современную эпоху уровня экономического развития, социального порядка и политической стабильности. Цивилизация выступает синонимом высшего на

данный момент уровня развития общественной культуры.

Другим общим местом является применение термина *цивилизация* по отношению к различным категориям обществ, вышедших за рамки развития первобытнообщинного строя. В XIX в. американский этнограф Г.Л.Морган определил *цивилизацию* как стадию развития человечества вслед за *дикостью* и *варварством*. Он, а вслед за ним Ф.Энгельс, выделили в качестве *признаков цивилизации*: *разделение умственного и физического труда, появление письменности, наличие*

городов как центров экономической и культурной жизни . Цивилизация в этом смысле выступает синонимом определенного уровня развития общественной культуры, а поскольку он не является модельным, как в первом случае, то такой подход позволяет говорить о разных *типах цивилизаций* . В этом случае говорят о многих – например, о китайской, античной, исламской, древнеегипетской, католической и т.п. – цивилизациях.

Причина такой *дихотомии понятия цивилизация* состоит в том, что человечество в своем развитии со

времени появления человека современного типа прошло три крупных общественных стадии, разделенных двумя эпохами революционных сдвигов в экономике.

Первый переворот в хозяйственной жизни, часто называемый *неолитической революцией*, приходится на VIII-VII тысячелетия до н.э. Это был переход от охотничье-собирательского быта к земледелию и скотоводству или так называемому *производящему хозяйству*. Этот переход был настоящей революцией в развитии человечества.

Хозяйственный переворот эпохи неолита изменил взаимоотношения человека с природой, привел к оформлению прочной оседлости с четко фиксированной территорией обитания, резкому росту на этой территории населения, потребности в новых формах его организации, общественному разделению труда, бурному развитию знаний о природе и обществе, усложнению духовного мира людей. Иными словами, создались условия для возникновения нового типа человеческих общностей — *цивилизаций* . До этого признаками, отделявшими одни сообщества

людей от других, служили биологический (*расово-антропологический*) и культурно-лингвистический (*этнический*).

Второй экономической революцией в истории человечества был *промышленный переворот XVIII-XIX вв.* Он не только привел к изменению экономической основы общества с сельского хозяйства на промышленное производство, но и впервые противопоставил человека природе. Во-первых, это качественно изменило все лицо современного общества. Машинное производство, центрами которого сделались города,

оказалось способным прижиться в любой географической и культурной среде. Возникнув в рамках европейской цивилизации Нового времени, получившей ныне название Индустриальной, новый тип производства и основанных на нем общественных отношений стал активно подчинять себе мир, разрушая или приспособляя к своим потребностям все прежние общественные культуры. Качественно новый уровень удовлетворения бытовых потребностей, благосостояния и резкий рост возможностей человека стали тем стандартом, на который

стало ориентироваться почти все человечество. Поэтому в современном мире понятие *цивилизация* превратилось в оппозицию понятию *традиционное общество*, то есть общество, не достигшее указанного стандарта. Сохраняющиеся ныне традиционные общества являются остатками доиндустриальных цивилизаций предшествующей эпохи. Но все они сильно деформированы либо стремлением воспользоваться плодами современной индустрии и основанного на ней стандарта жизни, либо непосредственным воздействием на них

Индустриальной цивилизации, либо борьбой с ее воздействием или его угрозой.

Индустриальная цивилизация .

Католическая цивилизация средневековой Европы находилась на периферии территорий, которые были заняты наследницами более древних цивилизаций —

Византийской и Исламской.

Теснимая со всех сторон, она долгое время была лишена возможностей нормального экстенсивного расширения, периодически выбрасывая излишки населения в форме крестовых походов на Восток.

Это накопило в ее недрах мощный заряд социальной энергии, которая нашла себе выход в двух формах. Южная Европа в конце концов смогла устремиться по пути экстенсивного расширения вокруг Африки в Индию и в Америку. Центральная и Западная Европа пошла по пути внутренней перестройки соционормативных принципов католицизма. Сочетание сложного комплекса факторов (а не простое совершенствование производства по пути товарно-денежных отношений) сделало города средневековой Европы носителями нового способа

производства. Под его давлением уже в XV-XVI вв. наметилась перестройка общественных отношений, знаменовавшая рождение цивилизации Новой Европы. Окончательная победа нового типа общественных отношений произошла только с промышленным переворотом конца XVIII – первой половины XIX вв.

В Европе и Северной Америке человечество впервые оторвалось от обусловленности своей жизни природными сельскохозяйственными циклами. Был создан способ производства, способный прижиться

на совершенно чуждой культурной почве, мобильный и ориентированный на расширенное воспроизводство. Поэтому новая цивилизация может называться Индустриальной. Ее появление имело колоссальные последствия для развития всего человечества.

С одной стороны, человечество противопоставило себя природе и космосу, что послужило стимулом их рациональному изучению, развитию наук, небывалому расцвету открытий и изобретений. В совокупности все это качественно изменило жизнь людей. Создавались условия для

полного их нивелирования друг другу как автономных граждан, каждый из которых является потенциальным собственником. Во второй раз, вслед за античностью, но на иной производственной основе и в более широких масштабах было создано гражданское общество. Личная инициатива получила освобождение от контроля со стороны общинных и сословных объединений. Изменился и тип мышления, основным принципом которого стал рационализм. В то же время все эти перемены поляризовали людей на основе общественного разделения труда на две основные категории: 1)

организаторов общественного производства, задающих тон в общественной жизни, и 2) работников, вынужденных довольствоваться предлагаемыми им экономическими условиями. Поэтому классовая борьба приобрела новые формы.

С другой стороны, новый способ производства начал активно воздействовать на общества традиционных цивилизаций, подчиняя их в своих интересах. Его “щупальца” в лице купцов, мореплавателей, авантюристов, колонизаторов, миссионеров в

конечном счете опутали весь мир. Это изменило обычный ход развития цивилизаций Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Индии, Китая, Японии, России. В большинстве регионов сложился симбиоз местной цивилизации с носителями буржуазного способа производства, выступавшими в роли алчных колонизаторов. Последних интересовали прежде всего природные или, как например в Африке, людские ресурсы.

Лишь Российская цивилизация с ее традиционно сильной центральной властью и относительной бедностью

ресурсами ее основной территории оказалась вне поля устойчивого интереса носителей нового способа производства. Поэтому долгое время его приспособление к российским условиям происходило под контролем правительства и способствовало еще большему укреплению традиционных общественных отношений. Вопреки устоявшемуся под влиянием евразийской концепции мнению, что Российская цивилизация аккумулировала в себе черты своеобразного синтеза европейской и азиатской культур, следует подчеркнуть, что она сложилась в

периферийной зоне Средневековой Европейской и Византийской цивилизаций. Сильная государственность, развившаяся после монгольского завоевания, имела основой необходимость препятствовать расширению Западной Европейской цивилизации. По этой причине объединителем русских земель выступила не территория исконно русской культуры (Новгородская земля, Белоруссия, Поднепровье), а периферийное Московское княжество, сумевшее воспринять монголо-татарские методы политической организации.

В новую фазу процесс подчинения мира родившимся в Европе способом общественного производства вступил по завершении промышленного переворота. Началась экономическая экспансия промышленно развитых стран в регионы традиционных цивилизаций. Она вела к разложению этих цивилизаций изнутри, насаждению в их общественной плоти европейского способа производства и соответствующих ему общественных классов. Процесс получил название *вестернизации* традиционных обществ. Но синтез западного и

местного начал не был простым и односторонним.

Индустриальная цивилизация качественно повысила уровень энерговооруженности общества и этим подняла планку осуществления потребностей и возможностей личности. Стремление использовать ее достижения заставляет традиционные общества ориентироваться на западное общественное и политическое устройство, западную систему ценностей. Приспосабливаясь к потребностям индустриального производства, сложная структура

традиционного общества начинает изменяться в сторону упрощения, уподобляясь гражданскому обществу с его ориентацией на индивидуальную частную собственность и обеспеченность прав личности. Только в виде таких полноправных граждан люди могут стать единым мировым сообществом. Поэтому буржуазный способ производства, стремящийся нивелировать межрегиональные и этнические различия единой системой юридических и политических гарантий гражданского общества, объективно

выступает объединяющим началом для всего человечества.

Однако внедрение чуждого социального опыта и культуры вызывает и реакцию отторжения, иногда выражающуюся даже во временном “закрытии” цивилизации. Отрицательная реакция на вестернизацию ведет к повышенному вниманию к традиционной местной культуре (тем большему и болезненному, чем больше она пострадала от столкновения с индустриальной цивилизацией), стремлению регенерировать ее самобытные черты. Разрушение

привычного уклада жизни вызывает желание сплотить общество на основе традиционных ценностей и прежде всего традиционной идеологии в форме религии.

Иногда стремление использовать индустриальную технологию, но сохранить социально-политическую независимость и самобытность толкает на ложный путь псевдо-гражданского общества в социалистической оболочке.

Тоталитаризм подобно гражданскому обществу ликвидирует социально-юридические перегородки в обществе, стремится нивелировать

индивидов в процессе общественного производства, но не как граждан с гарантированными правами-обязанностями и свободой воли, а в качестве подданных без четко очерченного личного интереса.

Формы взаимодействия индустриального способа производства и традиционных цивилизаций многообразны. Это позволяет и в современном мире сохраняться цивилизационному многообразию человечества. Поэтому сложность современного определения цивилизации состоит в том, что “цивилизация в широком

смысле слова” постоянно соприкасается с “цивилизациями в узком смысле” (локальными).

Эта двойственность уже получила теоретическое обоснование в современной литературе. Выделяют два типа цивилизационных теорий: теории стадияльного развития цивилизации, и теории локальных цивилизаций. *Стадияльные теории изучают цивилизацию как единый процесс прогрессивного развития человечества, в котором выделяются определенные стадии или этапы*. Фактически их адепты стремятся развить прежде

господствовавшую в нашей науке *теорию формаций* , введя в нее новый критерий общественного развития – культура вместо социально-экономических отношений. По сути меняется лишь внешняя форма (“вывеска”) теории: на место *общественно-экономических формаций* ставятся *социо-культурные цивилизации* . Такая модернизация устоявшейся концепции, даже производимая с благими намерениями, несет в себе теоретическую путаницу. Как часто бывает в общественном сознании, заявленное слово требует себе определения. А его оказывается

непросто дать, поскольку этапы развития человеческого общества не определяются одними только культурой и ментальностью.

Поэтому современные теоретики оказались перед двумя трудностями. Во-первых, стадияльный подход не позволяет использовать культуру в качестве структурообразующего начала теории цивилизаций. Будучи продуктом человеческого творчества, культура по сути является производным, то есть теоретически все же вторичным (хотя в общественной системе занимает подчас место, определяющее поведение людей), компонентом

общественной жизни и не может определять объективных закономерностей (но может их фиксировать). Во-вторых, заявляемое стадияльной теорией изучение единых для всего человечества законов развития совсем не нуждается в понятии цивилизация. Комплексы закономерностей общественного и культурного развития вовсе не создают какой-то единой цивилизации для каждого из этапов общественного развития человечества. Вычленяемые в современной науке закономерности присущи не цивилизациям, а общественным организмам, либо

политическим системам. Аберрация в этом направлении происходит потому, что исследователи модернизируют понятие цивилизация, уподобляя процесс общественного развития предшествующих эпох современной эпохе, в которой доминирует одна цивилизация – Индустриальная.

Теории локальных цивилизаций изучают большие исторически сложившиеся общности, которые занимают определенную территорию и имеют свои особенности социально-экономического и культурного развития .

Понятие цивилизация в доиндустриальную эпоху.

Цивилизация может быть понята в качестве одной из характеристик присущей всем видам живых существ триады: *индивид – сообщество – популяция*. Понятие популяция выпало из поля зрения исторической науки. Современным историкам кажется, что приспособление человека к окружающей среде путем выработки соответствующих социальных и культурных форм сделало главным субъектом исторического процесса *общественный организм* на той или иной стадии своего развития (род,

община, племя, государство). В то время как *популяция* понимается исключительно как сообщество биологических организмов.

Между тем общеизвестно, что уже к концу верхнего палеолита популяции человеческого вида существовали не только на основе индивидуальных (биологических) признаков (*расы и антропологические типы*), но и на основе общности языка и культуры (*племенные или этнические общности*). Переход к земледельческой экономике вызвал качественные перемены в отношениях с окружающим миром,

демографический рост и потребность в новых механизмах социального регулирования. Это привело к появлению *популяций социальных организмов* (общин) с социо-культурными признаками нового типа. Такие популяции могли включать в себя одну или несколько этнических общностей либо их частей. Так возникла предпосылка иерархизации культурных ценностей, возникновения двух таксономических уровней в оценке культуры: этнического и цивилизационного.

В понятие культура входит весь комплекс материальных и духовных достижений общества, выражающийся в орудиях труда, архитектуре, искусстве, письменности, литературе, религиозных верованиях, мировоззрении, философии, науке и т.п. Культура каждой цивилизации отличается своеобразием, которое определяется не количеством сделанных или несделанных открытий в различных областях хозяйственной и общественной практики, а ориентацией общественного сознания на те или иные приоритетные направления

жизни, которые поэтому и получают наиболее полное воплощение в данной цивилизации. Такие приоритеты обычно называются *системой ценностей* , которая воплощает в себе комплекс идей, содержащих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как *эталон должного* . Каждая цивилизация характеризуется своим набором и иерархией ценностей. Отсюда определение *цивилизации* как “саморазвивающейся социокультурной системы, базирующейся на определенной системе ценностей”.

В свою очередь приоритеты общественного сознания порождают личные ценности, определяя что более значимо для человека, являются одним из источников мотивации его поведения, ориентирами деятельности и основой для принятия решений. Такое соотношение общественных и личных ценностей, проявляющееся на уровне индивидуального поведения, называется современными учеными *ментальностью*. Специфика ценностей цивилизации определяется историческим соотношением организации

общества и конкретных условий его существования. Отсюда определение М.А.Барга: “ *цивилизация – это обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно – историческими ее предпосылками – с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющихся в образе индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными* ”.

Поэтому *цивилизация* является не абстрактно-теоретическим, а конкретно историческим понятием. Она невозможна вне конкретных

условий ее существования. Она не является стадией в развитии общества, но сама есть общество, которое как общественный организм рождается, растет и гибнет. Поэтому используемое иногда в литературе понятие *древневосточная цивилизация* не является корректным, на древнем Востоке параллельно существовало несколько цивилизаций: Китайская, Индийская, Ближневосточная и т.п. Понятие *древневосточный* лишь оттеняет самые общие черты в развитии обществ этих цивилизаций в их совместном сравнении с древней цивилизацией Запада – античной.

Точно так же не всегда корректными являются понятия *западная цивилизация* и *восточная цивилизация*. Зачастую их употребление лишь снижает до уровня обыденных представлений противопоставление Индустриальной цивилизации и традиционных доиндустриальных обществ. Но порой, применительно к современной действительности, эти понятия отражают растущее приобщение “восточных” обществ к достижениям европейской экономики и заимствование ими буржуазных политических институтов, при сохранении

собственной социальной специфики. В последнем и видится характерная черта восточной цивилизации.

Типы цивилизаций . Исходной, приспособительной к внешней среде, основой популяций нового типа в эпоху неолита было земледелие. Возникнув, группы земледельческих общин стремились обрести оптимальные для земледельческой экономики условия. Таковыми для первоначального земледелия оказались природные условия в долинах крупных рек и озер. Мощный демографический рост в этих условиях поднял на качественно

новый уровень уже существующую экономическую и соционормативную культуру. Последняя получила возможность оторваться от культуры этнической, адекватной общественным организмам исходного порядка — большесемейным и общинным коллективам. Возникают сложные социальные структуры надобщинного уровня, которые часто воспринимаются в современной науке как ранние государства. Усложняется и становится разнообразнее не только связь людей с миром природы, представлявшемся богами (космосом), но и связи

внутри человеческой популяции. Общность природных условий ведет к формированию единой социальной культуры и выработке единообразной системы ценностей. Так возникли *первые цивилизации* – Древнеегипетская, Месопотамская, Индская, Китайская, Месоамериканская, Андская . Без сомнения, их появление в непосредственной связи с открытыми Н.И.Вавиловым очагами первоначального земледелия не было случайным.

Следовательно, в качестве исходного определения можно принять, что

цивилизация – это конкретно-историческая популяция практикующих земледелие и ремесло общественных организмов надобщинного уровня, строящих города, использующих письменность и объединенных общей нормативностью надэтнического порядка, основанной на определенной системе ценностей . Признаки или критерии, отличающие одну цивилизацию от других: (а) территория с относительно стабильными рубежами, (б) соционормативные принципы и производный от них (в) тип общественной культуры, (г)

жизнеобеспечивающие ценности которой запечатлены в (д) этико-религиозной системе.

Возникающие цивилизации имеют тенденцию к расширению – распространению своих достижений и образа жизни. Процесс расширения идет успешно до тех пор, пока распространяющаяся из какого-либо центра организация общества и соответствующая ей культура приживаются на территории соседних народов. В доиндустриальную эпоху обычно пределы естественному расширению цивилизаций ставили природные

условия, принимавшие только определенную организацию общества, которая в архаическую эпоху сама была способом освоения определенных природных условий (организация общества = система производственных отношений). В современную индустриальную эпоху с ее оторванным от экологических условий производством пределы расширению цивилизаций ставят только другие уже существующие цивилизации.

До возникновения машинного производства, выдвинувшего на первый план товарно-денежные

отношения, цивилизации выработали иное орудие, позволявшее им преодолевать естественную слабость и расширяться сверх естественных природных рубежей. Таким орудием стала оторванная от народа государственная система (аппарат управления), в которой важную роль играло военное ведомство. Завоевания перешагнули естественные пределы территорий, заселенные однотипными общественными организмами, и привели к созданию обширных “мировых” держав (империй). С течением времени завоеватели распространяли, иногда насаждали у

завоеванных народов однотипные
своим формы общественной жизни.
Организация общества империи
приобретала более или менее
однородный характер,
распространялся единый язык по
крайней мере в качестве
общегосударственного для деловой и
административной жизни, велось
однотипное строительство, школьное
образование, распространялась
единая идеология в форме
господствующей религии и т.п.
Империя приобретала черты новой
социо-культурной популяции.

Обычно такая популяция нарушала этнические и племенные границы. Последние по своему общественному значению как бы отходили на второй план. Внутри империи происходила нивелировка этнических культур. В ранних империях с их неразвитыми механизмами социальной адаптации завоеванного населения к жизни в условиях чуждой цивилизации, этнические культуры как бы консервировались, в их внутреннюю жизнь государство не вмешивалось. В этом случае этническая культура и культура цивилизации существовали как бы на разных уровнях, мало пересекаясь друг с другом и поэтому

успешно соперничая в зависимости от силы или слабости военных ведомств. Поэтому многие древние империи так легко распадались, не оставляя после себя даже значительного культурного следа. В более позднюю эпоху на территории одной цивилизации могло образовываться несколько государств, соперничавших между собой и одновременно выполнявших частные функции в рамках единой цивилизации.

С течением времени механизмы внутренней консолидации попавшего в сферу влияния цивилизации

населения укреплялись. Его этническая и культурная разнородность требовала надбытовых надэкономических форм его организации. Таковыми могли быть либо разветвленная административная система — государственный аппарат, либо принимавшаяся населением и выгодная государству идеология в форме чаще всего “мировой” религии. Ахеменидский зороастризм, буддизм, конфуцианство, индуизм, христианство, ислам — все они были порождены определенной общественной средой, этнически неоднородной, но в то же время

выполняли роль консолидирующей
общество идеологии. В этой
последней функции их задачи
объективно перекликались с
задачами государства и поэтому
религия была государственной
идеологией. Имея для большинства
консолидированных в цивилизацию
этносов надбытовой, вторичный
характер, культура цивилизации,
следовательно, с трудом
ассимилировала этническую
культуру. Более того, зачастую ее
слишком активное ассимилирующее
воздействие, проникновение в
глубинные слои народной жизни и
стирание, замещение в ней

привычных стереотипов вызывает реакцию отторжения и распад цивилизации. В то же время компромиссный характер проникновения цивилизационной системы ценностей в толщу народной жизни позволяет вступить в действие фактору времени, который позволяет новым ценностям и стереотипам полностью вытеснить прежние.

Другая сторона развития цивилизации – взаимоотношения с внешней периферией. Последняя может находиться на доцивилизационном уровне, либо

быть представлена соседней цивилизацией. Один и тот же этнос часто попадал в сферы влияния разных цивилизаций. Испытывая воздействие разных культур и общественных порядков, его части постепенно накапливали в себе черты, отличающие их от сородичей по языку и происхождению. Граница между столкнувшимися цивилизациями является более или менее подвижной в зависимости от степени ассимилированности попавшего в их влияние народов или от степени совпадения ее с этнической территорией. Контакт с обществом, находящимся на

доцивилизационном уровне, в пограничной зоне обычно порождает мощное социо-культурное поле, которым цивилизация воздействует на эти общества. Это воздействие приводит к возникновению на периферии цивилизации так называемый племенной строй. Объективной задачей племенной организации, с одной стороны, является оборона от наступления цивилизации на традиционный быт и, с другой стороны, приобщение (чаще всего в форме грабежа) к ее социо-культурным достижениям. Возникает симбиоз цивилизации и порожденной ею “варварской”

периферии. Племена варваров при удобном случае могут сломать политическую надстройку цивилизации – государство, заменить ее своей, но они не способны полностью разрушить цивилизацию. С течением времени она ассимилирует их, естественно, в этом синтезе приобретая новые черты.

В развитии цивилизаций доиндустриальной эпохи можно выделить два периода. Следует подчеркнуть, что они имели свои собственные хронологические рамки *для каждой цивилизации в*

отдельности . Это важно отметить, поскольку именно неадекватное восприятие этих периодов в качестве глобальных исторических эпох привело к выделению историками и социологами марксистско-ленинского направления двух добуржуазных формаций: рабовладельческой и феодальной.

Первый период — это период первоначальных локальных цивилизаций, которые возникали в очагах либо поблизости с очагами первоначального земледелия. Это *материнские цивилизации* — Древнеегипетская, Месопотамская,

*Индская, Китайская,
Месоамериканская, Андская* . Они
были окружены миром этносов,
живших в условиях первобытного
эгалитарного общества с примерно
тем же уровнем знаний о мире и
космосе, сходными духовными
установками и потребностями, но с
менее сложным типом организации
общества. Общение цивилизации с
этим миром создавало условия для
распространения их достижений на
соседние территории. Так возникали
*дочерние цивилизации, производные
от первичных материнских, —
Сирийская, Анатолийская,
Минойская, Микенская, Японская и*

другие . Их культура была и похожей, и отличной от культуры материнских цивилизаций. Так, постепенно удаляясь от первоначальных центров, цивилизации изменяли свое общественное и культурное лицо. Это были своего рода социо-культурные мутации, происходившие на периферии существовавших цивилизаций, которые могли привести к рождению качественно нового общества и культуры. В благоприятных условиях такая мутация могла обособиться от породившей ее цивилизации и вырасти в самостоятельную, как это произошло с *Античной цивилизацией*.

Второй период . Однако чаще цивилизационное ядро успешно подавляло стремления периферийных мутаций к обособлению. Стремясь к постоянному расширению, цивилизационное ядро постепенно объединяло вокруг себя чрезмерно большие массы населения, а иногда и несколько локальных цивилизаций. Это предъявляло новые требования к организации общества. Появляются надобщественные имперские структуры и надэтническая идеология в форме мировых религий. Иногда функцию объединителей выполняют представители не

центрального цивилизационного ядра, а политические силы более динамичной периферии, однако сути процесса это не меняет. Так начинается второй период в развитии цивилизаций. На Ближнем Востоке он созрел в течение VIII-VI вв. до н.э., в Индии – с IV-III вв. до н.э., в Китае – с III-II вв. до н.э., в Европе – на рубеже н.э., в Южной Америке – в XV в. н.э.

Для этого периода характерна перемена акцентов в общественной организации. Прежде на первом плане стояла принадлежность к той или иной общинной организации,

занимавшей определенное место в иерархии соподчиненных общин, составлявших общество цивилизации. Внутренняя борьба в обществе обычно шла за перестройку этой иерархии, выдвигая на роль лидера (господствующего класса) то один, то другой этнос или группу тесно связанных общин. На новом этапе на первое место выходят горизонтальные структуры, в которых в единые сословия группируются все крестьяне, все ремесленники, все чиновники, вся знать и т.п., вне зависимости от этнической или общинной принадлежности. Конечно,

периодические успешные набеги на цивилизацию племен ее периферии приводили к временной частичной реставрации старого принципа структурной иерархии, но после их ассимиляции цивилизация продолжала развиваться в прежнем направлении. Идеал, к которому стремилось общество каждой цивилизации, состоял в нивелировании всего их населения в горизонтальных структурах. Чем интенсивнее развивалась цивилизация и в то же время чем меньше она испытывала помех извне, тем больше у нее было шансов продвинуться по этому пути. Второй

период в развитии цивилизации – это период ее зрелости.

Но в своем развитии цивилизации могли попасть в сложные условия. Так случилось с античной цивилизацией, которая полностью исчерпала потенциал развития свойственной ей социальной структуры. Следствием этого было ослабление ее контроля за внешней периферией и как следствие распад цивилизации на культурно более однородные части, ставшие ядрами новых цивилизаций – *Католической, Византийской, Исламской* . Такие цивилизации возникли на уже

существовавшей социо-культурной основе в результате создания новой системы ценностей, которая стала объединяющим началом новой цивилизации. Поэтому их можно определить как *вторичные цивилизации* . К вторичным цивилизациям следует отнести и Индустриальную цивилизацию, возникшую в результате внутренней перестройки средневековой Католической цивилизации, оказавшейся в состоянии глубокого кризиса из-за неспособности к расширению обычным путем.

Таким образом, поскольку в отличие от понятия *общественно-экономическая формация* цивилизация является не социологической, а конкретно-исторической категорией, можно выделить несколько типов цивилизаций:

1. Первичные цивилизации, возникшие в этнической среде и подразделяющиеся на:

а) Исходные или Материнские цивилизации, возникшие спонтанно, и

б) Дочерние цивилизации,

возникшие в зоне социокультурного воздействия исходных (материнских) цивилизаций на этническую периферию.

2. Вторичные цивилизации, возникшие в результате качественной перестройки соционормативных принципов уже существующих цивилизаций или их частей.

При определении цивилизаций следует четко различать социальное и политическое. Их смешение ведет к использованию неверных характеристик цивилизаций. Например, пишут о Хеттской, Древнееврейской, Римской

цивилизациях. При этом основной показатель цивилизации – комплекс социальных организмов с уникальной, присущей только им, культурой – подменяется внешним критерием – наиболее сильным в данной среде политическим образованием или государством. Следует уточнить, что главный элемент развития истории – это общественные отношения и оформляющая их социальная структура, тогда как политические отношения и политические органы являются только (всего лишь) *средством (орудием) для решения общественных проблем* .

Поэтому теоретически некорректно говорить о Древнееврейской цивилизации. В пограничной зоне между двумя первичными – Месопотамской и Древнеегипетской – цивилизациями с III тысячелетия до н.э. проживали семитоязычные народы, создавшие здесь задолго до появления древних евреев вторичную (дочернюю) Ханаанейскую (Сирийскую) цивилизацию. Ее локальным вариантом стала цивилизация восточного побережья Средиземного моря – Финикийская. При этом Финикия никогда не была единым государством, но была страной с комплексом однотипных

городских общин, специализировавшихся на морской торговле. Древние евреи сложились как периферийный к Ханаанейской цивилизации этнос (племенной союз), который выдвинулся и приобрел большое значение в регионе вследствие борьбы цивилизации ханаанеян с пришельцами арамеями и филистимлянами. В сложных условиях переходного периода от бронзового века к железному, связанного с перестройкой системы общественных отношений, более варварские и агрессивные древнееврейские племена смогли

выступить в роли политического орудия (государства) для решения проблем ханаанейской цивилизации. Поэтому созданные ими государства (Израиль и Иудея) оказались временными образованиями, сошедшими с исторической арены, когда потребность в них отпала. Конечно, в отличие от биологических организмов, социальные не устраниются столь легко и подчас бесследно и оставляют после себя культурную традицию, зафиксированные в которой социальные нормы и ценности обладают способностью служить

модельной основой для их регенерации в подходящих условиях.

Сходное положение имело место и в Малой Азии, где сложилась дочерняя по отношению к Месопотамии Анатолийская цивилизация. В ее создании принимали участие многие этносы (хатты, хурриты, лувийцы и др.) и хетты были лишь одним из них. Однако именно хетты-неситы сумели создать здесь мощное военно-политическое объединение. Первоначально будучи периферийным по отношению к более культурным хаттам или хурритам, хетты выдвинулись в силу

преобладания в военном искусстве эпохи за счет использования лошади и колесницы. Хеттское государство существовало в XVIII-XVI и XIV-XIII вв. до н.э. и затем настолько бесследно исчезло из истории, что было открыто А.Сэйсом только в 1870 г. Тогда как социальные организмы (города и общины) Анатолии продолжали жить и развивать ту же культуру, что и раньше (до хеттов). Позднее они же породили такие политические образования как Фригийское и Лидийское царства, однако нет никаких оснований говорить о

Фригийской или Лидийской цивилизациях.

Характерные черты цивилизации.

В развитии цивилизаций можно проследить некоторые общие функциональные черты:

- Каждая цивилизация имеет свой логический центр, в котором популяционные признаки выражены наиболее четко. Ослабление соционормативных признаков к периферии популяционного поля создает там условия для

рождения новых
соционормативных принципов.
Их появление можно
рассматривать как своего рода
социальные мутации, которые
могут проявляться как на
общественном, так и на
политическом или
идеологическом уровнях.
Поэтому цивилизация
стремится унифицировать
популяционное поле,
ликвидировав мутации.
Кризисные явления в процессе
роста цивилизации могут
вызвать разрастание
периферийных мутаций и

использование их для
корректировки или
перестройки цивилизационной
социанорматики.

- Исходным центром
распространения первичных
цивилизаций является
определенное этническое ядро.
Поэтому культура первичных
цивилизаций (и материнских, и
дочерних) имеет определенный
этнический окрас.

Теоретически ориентация на
культуру в качестве критерия
общественного развития ставит
в один ряд понятия этнос
(народ) и цивилизация. Хотя

процесс этнообразования не закончился после возникновения первых цивилизаций, древнейшие этносы и цивилизации не одно и то же, их взаимоотношения могут принимать самые разные формы. Хотя та или иная цивилизация в большей или меньшей степени несет в себе элементы этнической культуры, в современном мире этническая культура вторична по сравнению с культурой цивилизаций. В исторической ретроспективе цивилизации либо возникали на уже

существовавшей этнической территории, либо определенная этническая территория была центром, из которого происходило расширение цивилизации, привитие иноэтничным соседям определенного типа общественного бытия (и тогда цивилизация объединяла несколько этносов), либо уже существовавшая цивилизация ассимилировала пришлые этносы, зачастую перенимая от них язык, некоторые черты духовной культуры, но подчиняя пришельцев уже

сложившимся порядкам общественной и экономической жизни.

- Вторичные цивилизации образуются на стадии зрелости социополитической системы. Этническая культура занимает в них уже таксономически низший уровень.

Объединяющим началом выступает не только социально-политическое поле, которое подвергается перестройке при возникновении вторичной цивилизации, но и зрелая идеологическая система.

- Характерным признаком цивилизации, как и всякой популяции, является тенденция к максимальному расширению, то есть распространению своих соционормативных принципов, основанного на них образа жизни и достижений культуры. Пределы расширению цивилизации ставят естественные препятствия: географические рубежи; ландшафтные зоны с иной экосистемой, заселенные приспособленными к ней этническими группами; сопротивление соседней

цивилизации. Достигнув своих пределов, цивилизация обращается на путь внутренней унификации популяционного поля. Здесь прослеживается тенденция объединения цивилизации в единую политическую систему, складывания “мировой” державы. Иногда эта тенденция выражается в долгих внутренних войнах, укрепляющих не одно государство-победитель, а несколько, составляющих сбалансированную систему политических противовесов в

рамках одной цивилизации. В социальном отношении политическое объединение ведет цивилизацию по пути превращения в единый социально-политический организм.

- Ключевым звеном социального поля цивилизации, играющим связующую роль, является город. Его типология обусловлена системой социальных связей, определяющих социальное поле цивилизации.

Соответственно, характер городской монументальной

архитектуры зависит от господствующей соционормативной культуры.

- Каждая цивилизация образует единое информационное поле, которое требует общего (международного) языка и письменности.

- В культуре цивилизации может быть выделено два таксономических уровня. Цивилизация выступает в форме связей более высокого порядка, чем общинные, – в форме вожеств или государств. Господствующий класс в такой общественной

системе является носителем цивилизационной соционорматики. Ориентация системы его ценностей и культуры определяет таксономический уровень цивилизации. В то же время подчиненные, ведомые классы (народ) более консервативны и поэтому в большей степени ориентированы на традиционные ценности и этнический уровень культуры.

- Каждая цивилизация в процессе роста создает вокруг себя зону влияния в виде внешнего популяционного

социокультурного поля. Это поле стимулирует общественные процессы у окружающих цивилизацию этносов, способствуя формированию у них племен как социально-потестарных организаций и их союзов.

- Культивируемые цивилизацией потестарно-политические институты выполняют функцию орудий популяционного соционормативного регулирования. Во-первых, с их помощью осуществляется экстенсивный рост, то есть

расширение цивилизации
(завоевание и защита рубежей).
Во-вторых, они облегчают
унификацию
соционормативных принципов
внутри популяционного поля
цивилизации, что проявляется в
тенденции цивилизаций
принимать форму “империй”
или “мировых” держав, то есть
объединяться в возможно более
обширную политическую
форму. В-третьих, в случае
нужды они обеспечивают
интенсивный рост
цивилизации, то есть
качественную трансформацию

(перестройку) ее
соционормативных признаков.

- Каждая цивилизация формирует общую религиозно-этическую систему, в традициях и принципах которой закодированы ее соционормативные принципы. Такая идеологическая система играет роль еще одного инструмента популяционного функционирования наряду с политической системой и поэтому может объединяться с последней.

- Каждая цивилизация развивается в уникальных

условиях, определяющихся взаимодействием накопленного ею экономического, соционормативного и культурного потенциала с природным ландшафтом и историческим окружением в виде этнической среды и соседних цивилизаций. Изменение равновесия между цивилизацией и окружающей ее средой возможно как изнутри (например, в результате демографического роста), так и извне, вследствие качественных перемен в ландшафте, климате, сдвигах в

историческом окружении. Возможны два варианта “ответа” цивилизации на “вызов” извне в виде такого изменения сложившегося баланса. Прежде всего, цивилизация приводит в движение политический и идеологический инструмент внешнего расширения с целью обороны и завоевания. В случае же неудачи на первом пути, она использует те же инструменты для реформирования соционормативных принципов, политической системы и религиозной идеологии.

- Интенсификация внешней торговли служит добавочным, вспомогательным способом ослабления диссонанса между цивилизацией и внешней средой. Торговые (экономические) связи до эпохи Новой истории являются запасным инструментом внешней экспансии и внутривнутрипопуляционного унифицирования.

- Этапы развития цивилизации внешне похожи на три фазы развития биологического организма: рост – расцвет – упадок. Поэтому современные

теоретики вслед за античными распространили этапы жизни человека (детство – зрелость – старость или детство – юность – зрелость – старость) на общественные организмы.

Однако механизм их развития иной, чем у биологических организмов.

- Цивилизации не приходят в упадок в результате спонтанного внутреннего развития, ничего не оставляя после себя. Любые концепции замкнутых цивилизаций неисторичны. В столкновении с внешней средой цивилизации

могут либо погибнуть, либо
победить, либо
деформироваться, сохранив
свою основу, либо столь
качественно изменить свои
соционормативные принципы и
производную от них систему
ценностей, что превращаются в
цивилизации второго порядка
(вторичные). Поэтому полный
цикл развития цивилизаций
предполагает четыре фазы:
возникновение – рост
(расширение) – расцвет
(совершенствование) –
перестройка. Развитие
цивилизаций может быть

прервано или деформировано на каждом из ее этапов. Но особенно следует обратить внимание на последний из них. То, что современные исследователи зачастую воспринимают как кризис и упадок цивилизации, является по сути ее перестройкой и рождением нового качества — вторичной цивилизации.

● “Прогрессивность” одних цивилизаций по сравнению с другими определяется характером структурного соотношения *коллективного* и *индивидуального* начал в их

соционормативной культуре. Общественная организация, создающая лучшие условия для развития индивидуальных способностей (часто это выражается в степени индивидуальной свободы), выступает в роли более “прогрессивной”, так как содержит в себе более высокий *потенциал для развития* (производительных сил, познания природы и закономерностей развития общества, искусства). Поэтому в процессе исторического развития человечества в роли

ведущей, более прогрессивной на данный момент, цивилизации (определяющей “лицо” данного этапа-стадии общественного развития) выступает то одна, то другая локальная цивилизация.

Цивилизации и рабовладельческая формация . Две первые фазы развития любой из доиндустриальных цивилизаций дают общества первичной формации (часто их называют рабовладельческими), две последние – вторичной (их обычно отождествляют с феодальными).

Поэтому в своем развитии каждая цивилизация проходит условный рубеж внутренней трансформации, который связан с унификацией популяционного поля и означает вступление ее институтов в полосу зрелости, а ее самой – расцвета. Современные историки связывают этот рубеж с переходом от *древних* обществ к *средневековым*. Часто в нем видят переход от рабовладельческих к феодальным отношениям, а марксисты рассматривают его как социальную революцию, приводящую к смене рабовладельческой формации феодальной. Однако история

наиболее типично развивавшихся цивилизаций – Индийской и Китайской – показывает, что переход к “феодальным отношениям” не был связан ни с какими экстраординарными социально-политическими переменами. Более того, исследователи древней Индии и Китая зачастую оказываются озадаченными тем, что там общественные отношения, рассматриваемые как феодальные, как-будто возникают неоправданно рано. По сути это обстоятельство и явилось исходной основой появления концепции “вечного феодализма”.

За присутствие черт “феодализма” ученые зачастую принимают наличие в обществе иерархически организованной аристократии, в той или иной степени контролирующей собственность на землю и аппарат управления, – (господствующий класс) и обрабатывающих пребывающую в чужой собственности или под чужим контролем землю крестьян, находящихся в различного рода зависимости от землевладельцев – (эксплуатируемый класс). Даже ситуацию, когда главным собственником земли выступает государство, а вельможи и служилые

сословие — лишь его
представителями, исследователи
стремятся объяснить особенностями
восточного феодализма или
государственного феодализма .
Очевидно, что такой “феодализм”
можно найти повсеместно — и в
архаическом постпервобытном
обществе, структурированном
господством родовой аристократии,
и в средневековом государстве,
объединяющем под своим контролем
всех представителей местной
землевладельческой элиты и
постепенно формирующем идею
обусловленного его суверенитетом
верховного контроля за

собственностью. На самом деле общества каждой цивилизации развиваются по своим собственным закономерностям, обусловленным структурными отношениями индивида и коллектива, количество которых, однако, не столь уж велико. В наиболее общем виде их пытался представить К.Маркс в “Формах, предшествующих капиталистическому производству”.

Сходство структурной организации обществ доиндустриальных формаций на стадии их расцвета обусловлено общей тенденцией цивилизационного развития,

направленной на унификацию
цивилизационного социального поля,
то есть на нивелирование в рамках
единого социального строя всех
исходных социальных организмов,
попавших в сферу влияния
цивилизации. Орудием такой
унификации является
господствующая политическая
система, то есть государство,
развитие которого имеет тенденцию
к превращению его в абсолютную
монархию. Естественно, что процесс
развития в этом направлении
выстраивал представителей
господствующего класса в ту или
иную форму отношений к

центральной власти, а различные типы зависимости в среде подчиненного класса постепенно нивелировались в более или менее единую форму зависимого крестьянства. В этом смысле европейский феодализм, а затем европейской абсолютизм, будучи конкретно-историческими явлениями, лишь повторяли закономерные формы развития древнекитайского, индийского, исламского и других обществ. Однако это формальное сходство очень мало дает для понимания как особенностей каждого из этих

обществ, так и закономерностей (механизма, критериев) их развития.

Рабовладельческий окрас ранних стадий развития любой цивилизации связан с близостью ее общественных структур первобытным.

Рабовладение само по себе является первобытным принципом, возникшим на основе двух составляющих. Первая – это обособленность первобытных общин, диктовавшая взгляд на других людей как на субъектов совершенно чуждого мира, по отношению к которому недействительны законы своей общины. Формально, а

первобытное мышление стремилось тщательно соблюдать формальную логику, людьми считались только люди своей или родственных общин. Все иные не могли рассматриваться как люди до тех пор, пока их формально (ритуально) не включали в свою общину. Поэтому – и в этом вторая составляющая первобытных принципов – изначально не существовало представления о едином человечестве, отделенном от прочего мира, на чем зиждится современный гуманизм. Первобытные люди еще не вычленяли себя из мира природы (космоса), точнее сказать, не

противопоставляли себя ему и поэтому стремились жить по сопряженным с космическими законам, рассматривая их как установления богов. В мире же природы не существовало принципиальной разницы между вещью, животным или человеком. Если вещи и животных можно было приносить в жертву богам, продавать или обменивать, то то же самое можно было делать и с человеком.

Пока в общественном строе и общественном мировоззрении господствовали эти принципы (а это стадияльно — эпоха поздней

первобытности и эпоха ранней стадии цивилизации), общество потенциально было рабовладельческим. Какое-то количество рабов присутствовало во всяком обществе на этой стадии. Поэтому современные ученые часто пишут о рабовладельческом укладе наряду с другими, например, с феодальным. Однако суть рабовладения следует рассматривать совсем в иной плоскости. Первобытное общество, даже при отсутствии в нем не только рабовладельческого уклада, но даже хотя бы одного раба, потенциально было столь же рабовладельческим,

как и древнеегипетское или римское. Разница состояла лишь в том, что в одних случаях пленных чужаков приносили в жертву богам, а в других — использовали на каких-либо работах. С точки зрения современного человека, эта перемена использования пленников явилась большим прогрессом, так как знаменовала собой прогресс экономики, явно, судя по использованию прибавочного труда рабов, вступившей на более высокую стадию развития. Однако взгляд человека раннецивилизационной поры на эту перемену был иным. Принесение в жертву пленников

было частью важнейшего ритуала, который обеспечивал процветание мира, в том числе и экономики.

Отказ от человеческих жертвоприношений указывал на изменение отношения человеческого общества к богам. Это изменение происходило тогда, когда общественная организация приобретала более сложные формы, нежели обособленная община.

Бывшие чужаки становились собственными соседями, живущими по одним, установленным правительством, законам. Эти законы еще сохраняют в себе принципы первобытного отношения

В вещам, животным и людям, такие как право талиона, право продажи человека и т.п., однако убийство себе подобных они не допускают (исходя из первобытного принципа: человек нашего сообщества = родственник). Поэтому распространение рабства в обществах ранних цивилизаций вовсе не было следствием прогресса их экономики, а происходило из-за усложнения их общественных структур по сравнению с первобытными.

Также и степень распространения рабовладельческих отношений никак не была связана с экономическим

прогрессом. Если организация общества допускала наличие других форм зависимости за счет внутренних источников самого общества, то преимущественно они и выступали в основных формах эксплуатации. По крайней мере так было в реальности на ранней стадии любой цивилизации, начиная с Древнего Царства в Египте и кончая обществами раннефеодальной Европы. (Для последних это особенно показательно, так современные историки за редким исключением определяют их как феодальные, споря лишь о степени развитости феодальных отношений.

Между тем понятия “феодальный” и “рабовладельческий” являются несравнимыми категориями, так как первое ориентировано на структуру общества свободных, а второе – на степень распространенности людей, стоявших за пределами общества свободных. С традиционной точки зрения, общества цивилизации средневековой Европы, рассматриваемые как наследники варварских племенных сообществ, было рабовладельческим. Но само средневековое европейское общество не ощущало себя таковым потому, что мыслило себя позднеантичным римским обществом.). История знает

только одно исключение из этого правила (которое некоторые современные теоретики поспешили абсолютизировать, говоря о вечном феодализме добуржуазных формаций), когда рабовладение на некоторое время приобрело необычайно широкий размах. И этим исключением была античная греко-римская цивилизация. Однако расцвет античного рабовладения был обусловлен не каким-то чрезвычайным для древности развитием античной экономики, которая поэтому потребляла большие массы рабов, а особенностью, уникальностью античной

общественной структуры, которая ориентировала общество именно на рабов как главный вид эксплуатируемых. Утрата этой уникальности в позднеантичную эпоху привела к существенному сокращению рабовладельческих отношений по отношению к иным формам эксплуатации.

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Возникновение античной цивилизации

Античная цивилизация может быть определена как дочерняя по отношению к цивилизациям Передней Азии и как вторичная по отношению к Микенской цивилизации. Она возникла на периферии ближневосточного культурного комплекса в зоне влияния сирийско-месопотамской и египетской цивилизаций. Поэтому ее рождение можно рассматривать как следствие социальной мутации,

происшедшей в Восточном Средиземноморье при особом стечении целого комплекса обстоятельств.

К их числу в первую очередь следует отнести чрезвычайную близость двух материнских цивилизаций – Древнеегипетской и Месопотамской – зоны влияния которых неизбежно должны были пересечься. Их многовековое параллельное развитие оказывало перекрестное воздействие на соседние народы. В результате образовалась зона мощного социокультурного напряжения, включавшая в себя Ближний Восток,

Анатолию и Восточное Средиземноморье (Эгеида, Балканы, Крит). Египет и Месопотамия постепенно обрастали культурной периферией, развивавшейся под их непосредственным влиянием и зачастую контролем: Ливия, Куш, Ханаан, Финикия, Анатолия, Урарту, Мидия, Персида. Сближение зон влияния двух цивилизаций привело к возможности их объединения, которая с переходом к железному веку стала реальной. Попытки создания “мировых” держав Ассирией, Урарту, Вавилонией, Мидией были способом придать этому процессу определенную

форму. Его смогла завершить Персидская держава Ахеменидов. Она стала политической формой единой Ближневосточной цивилизации. Ее логическим центром стала Вавилония, поэтому Египет навсегда сохранил обособленное положение, которое он периодически пытался оформить политически, и особую культуру.

Цивилизации более дальней периферии Месопотамии, такие как Бактрия, Согдиана, Крит, Эллада, находились под ослабленным влиянием материнской культуры и поэтому оказались способны создать

собственные, отличные от исходной, системы ценностей. На Востоке такая система воплотилась в зороастризме. Однако отсутствие природных рубежей, способных остановить экспансию Ближневосточной цивилизации, привело к включению дочерних цивилизаций Бактрии, Маргианы, Согдианы в состав Персидской державы, а следовательно, в зону распространения ближневосточной культуры. Зороастризм стал господствующей религией державы Ахеменидов.

Иная ситуация сложилась в зоне западного влияния месопотамской культуры, где оно пересекалось с египетским. Два фактора оказывали деформирующее воздействие на распространение ближневосточной культуры в Восточном Средиземноморье – иная ландшафтная зона в Анатолии и на Балканах и давление этносов индоевропейского происхождения. Уже в эпоху бронзового века на территории Анатолии и Балкан сформировались совершенно иные, чем в Месопотамии, природно-хозяйственные комплексы. Особенно большое влияние оказывала близость

моря, наложившая отпечаток на культуру Крита и островов Эгеиды. Однако в эту эпоху приобщение древних средиземноморцев и их северных соседей – индо-европейцев к достижениям месопотамской и египетской культур только развивалось. Поэтому культура Минойской цивилизации Крита и Микенской цивилизации Балкан выглядят на первый взгляд столь своеобразными по отношению к материнским цивилизациям. Местный этнический компонент еще преобладал в их культуре, однако общественная организация строилась на сходных принципах.

Качественные изменения внес третий фактор – переход Ближнего Востока и Средиземноморья к железному веку. Распространение железа было, хотя и меньшей по масштабам, чем переход к производящему хозяйству или промышленному производству, но заметной технологической революцией в истории человечества. Она привела к окончательному отделению ремесла от сельского хозяйства, а следовательно, развитию разделения общественного труда, специализации и качественному изменению в человеческих отношениях, которые лишь с этой

поры стали принимать форму экономических.

Изменение экономической основы
всколыхнуло все общество
Ближневосточной цивилизации,
которое было вынуждено
подвергнуться в той или иной
степени перестройке с целью
приспособления общественных форм
к потребностям новых
производственных отношений. При
этом, если изменения в
традиционных центрах
концентрации цивилизационного
поля были сравнительно невелики,
периферия оказалась в ином

положении. Сравнительная слабость популяционного поля на периферии привела во многих местах к его полному уничтожению во время перестройки, что выражалось в ликвидации городских и дворцовых центров, выступавших в роли социо-культурных ячеек цивилизационного поля. Одновременно пришла в движение буферная между цивилизацией и первобытным миром зона, что выразилось в передвижениях арамеев, народов моря, дорийцев, италиков, пеласгов, тирренов и др. Причиной этих передвижения стала интенсификация социо-культурного

воздействия цивилизации на свою этническую периферию, имевшая объективной целью дальнейшее расширение цивилизационного поля. Таким образом, в Восточном Средиземноморье возник исторический феномен, именуемый современными историками темными веками или временным возвратом к первобытности.

Однако все сходятся на том, что исчезновение минойских и микенских дворцов не могло полностью стереть социальную память народа. Возможно, ориентация населения на

протогородские или протополисные центры гомеровской эпохи была следствием сохранившейся ориентации социальных связей бронзового века на дворцовые центры. Демографический рост, подстегнутый дорийским переселением и хозяйственным освоением железа, только усилил эту ориентацию, заложив таким образом основу для формирования цивилизационных ячеек нового типа. Их небольшие размеры и характер организации во многом были обусловлены господствующим ландшафтом географической среды, представленным сравнительно

небольшими равнинными или плоскогорными территориями, разделенными горными хребтами, морскими просторами либо сочетанием того и другого.

С переходом к железному веку на первый план в качестве ячеек организации социального поля выдвинулись вместо дворцов микенской эпохи общинные организации. Повышенная плотность населения и малоземелье делали борьбу за землю главным организующим началом общественного развития. Территориальная близость

противников друг к другу и ориентированность на одинаковые ландшафтные зоны не способствовали складыванию иерархии соподчиненных общин. Вместо этого возникали более простые формы организации общин: полное покорение одних общин другими (Лаконика), объединение в союз равных вокруг единого центра (Беотия), синойкизм – слияние в единый коллектив (Аттика). Новая организация приводила либо к консервации первобытного принципа противопоставления своих чужим (Лаконика), либо к переносу его на более масштабное объединение

представителей разных племен. Таким образом, складывавшиеся в VIII-VI вв. до н.э. государственные образования на населенной эллинами территории формировались в тесной зависимости от условий природно-географической среды и сохраняли стойкую связь с первобытной категорией общинности. Не случайно поэтому характерным признаком античной цивилизации, определявшим соционормативные принципы и ориентацию общественной культуры, была автономная городская гражданская община (полис).

Становление цивилизации.

Формирование автономных городских гражданских общин происходило параллельно с расширением популяции эллинских полисов в Средиземноморье и Причерноморье. Превращение объединений сельских и родовых общин в однотипные гражданские коллективы было сложным и длительным процессом, растянувшимся на VIII-VI вв. до н.э. В соответствии с традициями бронзового века первоначально на роль объединителя родовых

сообществ претендовали
архаические цари (басилеи). Однако
их претензии не были подкреплены
ни их ролью организаторов
ремесленного производства, ни их
значением религиозного символа
коллективного единства. К тому же
изменился характер военной
организации, в которой на смену
колесничему войску пришла
конница. Поэтому с началом
железного века в обществе резко
повысилась роль родовой
аристократии, контролировавшей
жизнь простолюдинов — своих
младших сородичей. На смену
объединениям общин вокруг

дворцовых центров бронзового века
пришли родовые коллективы, в
которых роль хранителя традиций и
объединяющего начала для
коллектива играла аристократия.
Родовая собственность была
экономическим рычагом ее власти, а
труд сородичей – ее экономической
опорой, которая позволяла иметь
досуг для совершенствования в
военном деле и образования. Мощь
аристократической конницы также
базировалась на содержащем ее труде
всего родового коллектива.

Поэтому претензии басилеев на роль
реальных правителей

формирующихся полисов оказались несостоятельны: они безнадежно и повсеместно проиграли в конкурентной борьбе с опиравшейся на родовые коллективы аристократией. Около VIII в. до н.э. власть басилеев была ликвидирована почти во всех полисах Греции и повсеместно установилось коллективное правление аристократии. Во всех других общественных структурах переходного между первобытностью и классовым обществом строя борьба родовой аристократии и царской (княжеской, королевской) власти заканчивалась победой последней.

Большие по сравнению с Грецией размеры протогосударственных объединений других областей и эпох позволяли архаическим властителям опереться на народ и подчинить себе родовую аристократию. На значительных территориях всегда складывалась иерархия общин, противоречия между которыми позволяли царской власти выступать в роли арбитра. В небольших по размеру греческих полисах на ранней стадии их развития практически не было свободных людей, не входивших в родовые коллективы и не подчиненных родовым владыкам. Условия же существования в

обстановке постоянной угрозы внешнего мира (“война – общая работа”, по выражению К.Маркса) формировали равенство прав отдельных родов и представлявших их аристократов. Так было положено начало той социальной мутации, которая привела к установлению в эллинских полисах особого общественного строя.

Три последующих века греческой истории были наполнены борьбой между аристократическими кланами, связанной с концентрацией земельной собственности, демографическим ростом и

экономическим развитием.

Результаты этих процессов оказались существенными как для внутреннего развития отдельных полисов, так и для развития полисной цивилизации в целом. Борьба аристократических группировок и обострявшееся из-за концентрации земельной собственности малоземелье стали причиной периодических выселений полисных жителей в колонии. Они несли с собой становящиеся привычными формы полисного общежития. К тому же на новой территории эллины зачастую оказывались в окружении чуждых по культуре людей, так что поневоле

должны были держаться за принципы общинного порядка. Поэтому их поселения по всему побережью Средиземного и Черного морей принимали форму полисов, общинные черты которой на новых землях проявлялись еще более четко в связи с большей свободой от родовых традиций. Великая греческая колонизация VIII-VI вв. до н.э. явилась формой расширения полисной цивилизации, первоначальный центр которой находился на Ионийском и Эолийском побережье Малой Азии вместе с сопредельными островами.

Культура этого региона, в котором находилось большая часть эллинских метрополий, была тесно связана с культурой народов Анатолии, по сути будучи периферийной по отношению к цивилизациям Месопотамии и Египта. Однако в новых полисах на колонизируемых землях их влияние было существенно ослаблено. Туда выселялось наиболее активное население метрополий, не приспособившееся к условиям кланового подчинения жизни на родине. С одной стороны, это делало его более приспособленным к изменениям (мутациям) общественной культуры. Отсюда,

видимо, происходит расцвет философии, науки, законотворчества и политических идей именно на Западе в Великой Греции. С другой стороны, это способствовало активному приспособлению эллинов к новым условиям жизни, развитию ремесла, торговли, мореплавания. Вновь основанные греческие города были морскими портами и это выдвигало мореплавание и торговлю на роль институтов, поддерживавших популяционное поле. Это отличало полисную цивилизацию от традиционных “сухопутных” цивилизаций, где инструментами поддержания популяционного поля

служили политические институты и идеология.

Наличие колоний стимулировало развитие метрополий и убыстряло процесс развития греческих полисов в целом. Разнообразие условий населенных греками областей вело к развитию торговли, специализации и денежных отношений. В результате появляется возможность, накопив деньги, обеспечить себе существование без клановой поддержки рода. В среде греческого демоса появляются богатые люди, которые тяготеют обязанностью содержать родовую аристократию.

Они сами могут выступать в роли эксплуататоров немалого числа людей, но этими людьми являются не свободные, а рабы. Богатство и знатность утрачивают свою изначальную связь. Одни из зажиточных демотов живут в родных полисах, общинная взаимопомощь которых признается ими как важная жизненная ценность. Другие, в основном ремесленники и торговцы, бегут от своих аристократов в другие полисы, становясь там метеками. Количественный рост массы этих людей создавал предпосылку для социального переворота, низвергнувшего власть родовой

аристократии. Но победить ее удалось только тогда, когда демос оказался способен перенять у аристократии ведущую роль в военном деле, когда на смену аристократической коннице пришла фаланга тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов.

Расцвет полисного строя.

К концу VI в. до н.э. античная соционормативная культура окончательно созрела и греческие полисы из общинных объединений родов и кланов превращаются в

автономные государства. В это же время сама античная цивилизация приблизилась к естественным рубежам своего распространения. Вероятно, поэтому настал момент осознания ею своей сущности и ее отрыва от исходного материнского цивилизационного комплекса Ближнего Востока.

Политически объединенный персами ближневосточный мир рассматривал восточномедиземноморскую периферию как свое естественное продолжение. Скифский поход Дария был проявлением расширительной экспансии Ближневосточной

цивилизации, в равной мере выразившейся и в среднеазиатском походе Кира, и в нубийском и ливийском походах армий Камбиза. Наиболее активную роль в колониционном движении играли греки Малой Азии, полисы которых оказались под властью персов. Но их отношения с персами строились на иной основе, нежели отношения последних с финикийцами, естественными конкурентами греков в торговле, мореплавании и колонизации новых земель. Осознавший к концу VI в. до н.э. свою особость греческий мир воспринимал персов как варваров и

не желал мириться с их господством. Греко-персидские войны стали первым рубежом в развитии античной цивилизации, на котором эллины отстаивали свое право на ее самостоятельность и уникальность.

Однако по большому счету противостояние греков и персов продолжалось до конца IV в. до н.э., когда оно вылилось в восточный поход Александра Македонского. Уже в V в. до н.э. это противостояние было осознано как противостояние Европы и Азии, в котором персы лишь олицетворяли азиатскую Ближневосточную цивилизацию,

стремящуюся поглотить европейскую цивилизацию полисного мира эллинов. Формирование политических инструментов поддержания популяционного поля началось у греков под непосредственным влиянием персидской экспансии и выразилось в создании Делосского морского союза. Защита общих интересов популяции (цивилизации) была объективной задачей входивших в ее состав социальных организмов. Поэтому политические объединения греческих полисов были естественным способом их приспособления к условиям внешней

среды. На Западе давление италийского варварского мира и особенно Карфагена привели к образованию Сиракузской державы, в Причерноморье общение со скифским миром – Боспорского царства, в Эгеиде конкуренция с финикийцами и борьба с персами – Афинского морского союза. Фактически в рамках единой полисной цивилизации наблюдается обособление нескольких популяций полисов со своими частными интересами и некоторой спецификой развития – Великая Греция, Киренаика, Балканское побережье и

острова Эгеиды, Северное Причерноморье.

Но это обособление не было расхождением культур различных частей античной цивилизации. Оно лишь способствовало еще большему углублению специализации регионов и, как следствие, более активному развитию мореплавания, торговли и денежного обращения. Товарно-денежные отношения не только остаются инструментом поддержания цивилизационной соционорматики, но и все более наращивают свое значение в этом качестве. Это ведет к повышению

плотности популяционного поля, означающему на практике активизацию межполисных отношений (экономических, политических, военных, культурных). Следует подчеркнуть, что в отличие от других (традиционных) цивилизаций, у которых плотность популяционного поля уменьшается от центра к периферии, у полисной цивилизации греков она была почти равномерной как в центре, так и на периферии. Это было связано с тем, что ее создал один этнос и этническая соционорматика нигде не вступала в противоречие с цивилизационной.

Специфика социального поля эллинской цивилизации была иной. Оно было соткано из формально однородных ячеек, которые фактически имели разное внутреннее наполнение. Греческие полисы условно разделяются современными исследователями на развивавшиеся по консервативной (Спарта) и по прогрессивной (Афины) модели. Это различие собственно и обеспечивало тот необходимый элемент борьбы противоположностей, который позволял развиваться единству однородного социального поля. Конфликты между полисами разной

модели, олицетворявшими (в какой-то степени, абсолютизируя) две противоположные стороны – общинность и классовость – полисной государственности, уходят корнями в самое начало их складывания и замирают лишь в результате подчинения полисного мира Македонией. Можно сказать, что эти конфликты были имманентно присущи полисной системе, имея основой автономию полисов. Но при более строгом взгляде очевидно, что целенаправленный характер эта конфликтность приобретает с конца VI в. до н.э., когда завершается

складывание полисной государственности и исходное социально-экономическое различие полисов приобретает очерченные политические формы.

В этой связи становится обоснованным иной взгляд на проблему кризиса полисного строя в IV в. до н.э. Внутриполисные конфликты и изменения в архаических формах общежития выступали формой адаптации полиса ко все более уплотняющемуся социальному полю цивилизации, то есть к новым историческим условиям. Чем активнее участвовал

полис в общеэллинской экономической и политической жизни, тем заметнее происходила его модификация. Лишь периферийные полисы отсталых областей сохраняли верность традиционным архаическим устоям жизни. Кризис полиса был кризисом его внутреннего роста и совершенствования.

Кризис полисного строя.

Одновременно с кризисом полиса в литературе обращается внимание на параллельно развивавшийся кризис

полисной системы в целом. Ее упадок оценивается сквозь призму неспособности полисного мира своими силами создать политическое объединение нового типа и подчинение Эллады Македонией. Действительно, борьба за гегемонию в Греции имела объективной целью объединение как можно большего числа полисов. Эта цель была осознана самими греками и пропагандировалась, в частности, Исократом и Ксенофонтом. В роли объединителей Эллады эти мыслители видели преимущественно лидеров периферийных государств — Агесилая, Гиерона, Александра

Ферского, Филиппа. Это было не случайно. Как отмечалось, периферия цивилизации более способна к мутации, то есть созданию нового, нежели центр с повышенной плотностью популяционных признаков. В случае с эллинской цивилизацией однородность ее социального поля не позволяла выдвинуться лидеру из собственно полисной среды. В то же время эта однородность создавала гораздо более плотную зону культурного влияния на периферии, чем у других цивилизаций, где социальное поле равномерно истончается от центра к периферии.

Поэтому возвышение Македонии не следует рассматривать в отрыве от эволюции полисного мира, как процесс исключительно македонского саморазвития. Она была той частью буферной зоны между цивилизацией и первобытным миром, которая порождает варварский племенной строй, со временем становящийся основой собственной государственности. Множество исторических примеров (политика Архелая, жизнь Эврипида в Пелле, Филиппа в Фивах, воспитание Александра Аристотелем) указывают на тесную связь Македонии с Грецией,

стимулировавшую правящую династию поощрять традицию о этно-языковом родстве греков и македонян.

Автономия полисов длительное время мешала выработке политического инструмента для решения двух основных проблем развития цивилизации – проблемы расширения за пределы естественно сложившихся рубежей и проблемы унификации популяционного поля. Конфликты и войны между полисами были естественной формой выработки такого инструмента, которым стал возникший под эгидой

Македонии Панэллинский союз.
Установленный Филиппом
Македонским социальный мир и
порядок в Греции должен был стать
предпосылкой для нового этапа
унификации полисных порядков.
Другая задача – задача расширения,
была обозначена в подготовленном
Филиппом походе против персов.
Однако, несмотря на блестящие
политические и военные успехи
Филиппа и его сына, возвышение
Македонии оказалось неудачной
попыткой решения заявленных
проблем.

Завоевательная активность
Македонии оказалась односторонне
запрограммированной слишком
затянувшейся борьбой эллинов с
Ближневосточной цивилизацией за
самостоятельность. Вызов Азии
оказался настолько силен, что ответ
македонян вышел далеко за рамки
интересов античной цивилизации.
Потребность политического
объединения всего эллинского мира,
видимо, подспудно осознавалась, что
отразилось в традиции о планах
западного похода Александра (а
также неудачном походе Зопириона в
Причерноморье и позднее
Александра Молосского и Пирра в

Южную Италию и Сицилию). Восточный поход также первоначально был задуман только с целью завоевания (Малой) Азии для освобождения находившихся там греческих городов. Одновременно решалась проблема экономических связей в регионе Восточного Средиземноморья, в котором пересекались зоны интересов связанных с Македонией греков и связанных с Персией финикийцев. Поэтому совет Пармениона принять предложения Дария, поступившие после битвы при Иссе, отражал реально осознанные задачи восточного похода. Египет,

экономически и культурно
тяготевший более в восточно-
средиземноморскому миру, нежели к
ближневосточно-месопотамскому,
практически без боя оказался в руках
македонян. Однако поход Александра
преодолеl пределы чисто
функционального разрешения
проблемы популяционного
расширения. В орбиту греко-
македонской экспансии попали
территории, культурно чуждые
античной цивилизации, развитие
которых определялось иными
соционормативными принципами.
Держава Александра Македонского,
несмотря на величие его

исторической авантюры, была заведомо нежизнеспособна.

Озабоченный стремлением избавиться от опеки сделавшего его царем клана Пармениона Александр оказался неспособен решить свою главную личную проблему – сравняться в политической гениальности со своим отцом. Осознание своей ущербности даже перед тенью убитого Филиппа толкало Александра на экстравагантные, яркие, но совершенно бесперспективные поступки. В какой-то степени его личность выразила отвечавшие

духовным исканиям времени потребности крайнего индивидуализма, почему и оказалась в центре внимания писателей и историков, обрета, так сказать, “историографическую ценность”.

Не решив проблем античной цивилизации, поход Александра имел немалое значение для Ближневосточной цивилизации. Политическая форма Персидского государства оказалась неадекватна ей вовсе не из-за слабости и аморфности последнего. Военно-административная система Персидской державы отнюдь не была

примитивной и неразвитой.
Созданная Ахеменидами
государственная организация в
течение многих веков
регенерировалась последующими
режимами, выйдя в рамках
Исламской цивилизации за пределы
древнего мира. Но в тот
исторический момент Персидское
государство объединяло по крайней
мере два культурных комплекса,
которые в течение нескольких веков
постепенно расходились между
собой. Выше отмечалось, что
изначально персы включили в одно
политическое целое две материнские
цивилизации — месопотамскую и

египетскую. Военный разгром персов освободил центральное ядро Ближневосточной цивилизации от слишком сильно мутировавшей западной периферии. В рамках новых политических систем (Парфянского, Ново-персидского царств и др.) социокультурные нормы цивилизации приобрели большую однородность и устойчивость.

Египет всегда оставался чужеродным телом в составе персидского государства, ослабляя и расшатывая его единство. Не без его влияния в непосредственном соседстве с

персидской державой выросла и оформилась античная цивилизация. Ее воздействие на протяжении V-IV вв. до н.э. сформировало своего рода пограничную с месопотамским влиянием культурную зону, включавшую Малую Азию, Сирию, в известной степени Финикию и Египет. Именно эта культурная зона стала территорией, на которой развились наиболее типичные эллинистические государства. Таким образом, несмотря на то, что Александр Македонский оказался неспособен осознать стоящей перед ним исторической задачи, сама история решила проблему отделения

этих территорий от ближневосточного мира другим способом, затратив на это чуть больше времени.

Античная цивилизация в римской оболочке.

Политическое орудие для решения проблем античной цивилизации со временем нашел западноэллинский мир, более свободный от всепоглощающей ориентированности на противостояние ближневосточному влиянию. Жизнь Великой Греции, безусловно, была

отягощена своими проблемами. Поэтому первоначально поиски решения общецивилизационных задач выглядели как стремление решить собственные западносредиземноморские проблемы. Греки Западного Средиземноморья упорно боролись за расширение сферы своего влияния с Карфагеном и Этрурией. Неустойчивое равновесие сил требовало постоянного напряжения от каждой из сторон. В своей борьбе западные греки активно пользовались поддержкой восточных сородичей, приглашая полководцев и наемников из Пелопонесса или

Эпира. Но одновременно эллинская цивилизация оказывала оплодотворяющее культурное воздействие и на окрестную варварскую периферию Италии.

“Приручение” варварского Рима происходило постепенно.

Достоверность раннеримской истории не случайно вызывает сомнения у исследователей. Вполне вероятно, что до V или даже IV в. до н.э. римское общество развивалось отнюдь не по полисному пути. Возможно, строй гражданской общины, утвердившийся в Риме в ходе завоевания Италии в IV-III вв. до

н.э., был воспринят им под влиянием контактов с италийскими греками. Структура гражданского коллектива оказалась подходящей формой, позволившей погасить этно-социальные конфликты, слишком долго подрывавшие военную силу первоначально аморфного римского вожества. Комплекс мер, оформивших важный рубеж в становлении римского гражданского коллектива, связан в античной традиции с именем знаменитого цензора 312 г. до н.э. Аппия Клавдия Цека, прославившегося также укреплением связей с греческой Кампанией (Аппиева дорога) и

непримиримостью по отношению к Пирру. В IV-III вв. до н.э. римляне ориентировались на кампанских и южно-италийских греков, тогда как балканских рассматривали как чужаков с чуждыми интересами. Ориентация на греческую поддержку позволила Риму выдержать натиск этрусков и галлов. За это они в свою очередь поддерживали кампанских греков в борьбе с самнитами. Завязавшиеся таким образом отношения способствовали распространению греческого влияния в Риме. Завершение оформления римской гражданской общины, вероятно, происходило уже

в контакте с южноиталийскими эллинами. Таким образом Рим оказался включен в орбиту античной цивилизации. Несмотря на патриотический акцент римской традиционной версии событий, конфликт Рима с Пирром в определенном смысле можно рассматривать как борьбу за право играть роль военно-политического орудия греческой цивилизации.

После подчинения Римом Этрурии нарушился естественный баланс сил в Западном Средиземноморье, определявшийся сферами влияния карфагенян, этрусков и греков.

Начался новый виток конфликтов между Карфагеном и Великой Грецией за восстановление нарушенного равновесия. Каждая из сторон стремилась заручиться поддержкой Рима, который еще не был способен распространять собственное торговое и культурное влияние, но обладал военной силой. Договор с Карфагеном 279 г. до н.э. стимулировал войну с Пирром. Но, победив, римляне разобрались в стратегическом положении сторон и переориентировались на греческий мир. По сути дела в первой пунической войне Рим воевал не за свои интересы, а за интересы

греческих городов юга Италии и Сицилии. Но, став на этот путь, римляне уже не могли с него сойти: западнотизитетноморский мир разделился на зоны влияния двух миров – греческого и карфагенского. Однако греки вовремя обзавелись прочным тылом в виде Римско-Италийской конфедерации. Поэтому Баркиды попытались создать для Карфагена точно такую же ударную силу из варваров в Испании. Сражаясь с римскими войсками в Италии Ганнибал, однако, стремился контролировать вовсе не Рим, а греческие города Сицилии, Южной Италии и Кампании. Как известно,

решающая схватка закончилась победой Рима.

После Ганнибаловой войны Рим смог претендовать на роль политического лидера всего Средиземноморья. Но представляя только себя или союзные италийские общины, Рим до середины II в. до н.э. не имел устойчивых интересов в претензиях такого рода. Однако по-иному положение выглядит, если рассматривать его в контексте развития цивилизации греческих полисов. Включившись в восточносредиземноморскую политику на стороне греков, Рим тем

самым заявил претензию на роль популяционного центра в мире античных гражданских общин. Провозглашение “свободы Греции” Титом Фламинином означало нечто большее, чем рассчитанный ход в политической игре (хотя могло и не до конца осознаваться самими авторами). Однако в качестве центра цивилизации претензии Рима подпитывались лишь его военно-политическими успехами. Спешное создание римской исторической традиции руками Фабия Пиктора и других анналистов под контролем сената должно было идеологически обосновать не меньшую древность

римского социума и его культуры, чем у греков Балкан и Малой Азии. Вполне вероятно, что раннеримская история, основные этапы которой подозрительно напоминают этапы истории Афин, создавалась по образцу истории “культурной столицы” эллинского мира.

Изображение архаического Рима “типичным полисом” среди общин Лация было обоснованием претензий на роль второго, если не первого, из двух центров античной цивилизации. В отличие от Македонии, юный царь которой безрассудно кинулся к берегам Инда,

внеиталийские завоевания Рима объединили в единую социополитическую систему (империю) прежде всего весь античный мир. Подавление экономического потенциала Карфагена, Коринфа, Родоса и других торговых центров в пределах античного мира (Александрию и Тир не трогали) в середине II в. до н.э. переориентировало инструмент поддержания популяционного поля с мореплавания и торговли на политические и идеологические институты.

Античная цивилизация стала развиваться как популяция со смещенным или, может быть, точнее сказать, с двумя центрами — италийским и балкано-малоазийским. Первый обладал политическим и военным господством, постепенно вырабатывая формы соционормативного контроля за общественной жизнью цивилизации. Второй имел большую плотность и традиции исходных античных (полисных) соционормативных принципов и более развитую культуру цивилизационного таксономического уровня. Италия

была военно-политическим, а

Греция – социокультурным центром античной цивилизации.

Римскую державу можно представить как популяцию античных городских гражданских общин римско-эллинского типа с разной плотностью социальных и культурных признаков. Принявшая форму империи цивилизация отличалась от первоначальной эллинской тем, что включала в себя множество народов с иными социокультурными традициями. Для организации этих культурно чуждых народов была выработана форма провинций. Выравнивание

социального поля выражалось в романизации провинций, представлявшей собой распространение там античных городских гражданских общин в форме муниципиев и колоний римских и латинских граждан. Вместе с ними из римского центра распространялась античная социальная культура и римские формы организации общественной жизни. К III веку процесс романизации достиг такого качественного рубежа, когда стало возможно уравнивать в качестве римских граждан всех жителей Империи.

Таким образом, основным содержанием римской истории как истории цивилизации, выступает распространение римских гражданских общественных норм на все более широкие круги римских подданных. В отличие от полисного гражданства греков, тесно связанного с этнической однородностью организованной в полисы среды, римское гражданство выступало в роли социально-правовой формы, которая с равным успехом могла распространяться как в италийской, так и во внеиталийской среде. Именно римское понятие гражданства (*civilis*

– гражданский) породило представление о цивилизации как о культурном городском обществе, противостоявшем варварству, связанному с племенной, сельской жизнью. Столь общее значение гражданства, основанного на таком противопоставлении, было невозможно в греческом обществе, которому в качестве варваров противостояли прежде всего жители ближневосточных городов. Римское гражданство, расставшееся с этнической определенностью своей сущности, приобрело статус устойчивого таксономического показателя (детерминатива)

принадлежности к цивилизации вообще. Даже когда Византия обособилась в самостоятельную цивилизацию, сохранилось прежнее обозначение ее жителей – ромеи (римляне).

С течением времени римляне все шире раздавали права своего гражданства представителям других этносов. С помощью гражданства социальное поле империи все более приобретало антично-римский характер, и Рим выдвигался на роль не только военно-политического, но и социокультурного лидера, отбирая это значение у Греции. При этом его

влияние особенно прочно распространялось на Западе, как бы естественно приживаясь в среде, где Рим выступал исходным носителем принципов античной цивилизации. Тогда как на Востоке, который уже усвоил античную соционорматику в полисно-эллинистической форме, римское влияние вызывало достаточно выраженное неприятие, граничащее с отторжением. Имея ту же исходную структуру, но более глубокие культурные корни (в том числе и этнические), греческий античный строй обладал в определенном смысле иммунитетом к правам римского гражданства.

Стремление Рима узурпировать чуждую изначально для него функцию, объективно должно было вызвать оппозицию и борьбу между обоими центрами цивилизации. Лишенный политической власти и теснимый с середины II в. до н.э. в области товарно-денежных отношений, восточный популяционный центр должен был вступить на путь выработки оппозиционного идеологического учения. Это был единственный способ иметь оружие в борьбе с политическим господством римлян. После периода поисков и проб на роль оппозиционной идеологии было

принято христианство.

Реформированное Павлом, оно оказалось, с одной стороны, ближе к жизни, чем традиционные философские учения, а с другой, более абстрактным, нежели традиционные религии, то есть более способным выразить античную рационализованную цивилизационную нормативку. Христианство стало своего рода конкурентом правам римского гражданства в части объединения и подчинения населения империи своим соционормативным принципам. При этом следует учитывать, что, формируясь как

оппозиционное идеологии античного гражданского общества учение, христианство основывалось на тех же социокультурных ценностях, придавая им лишь иную форму. Поэтому христианство было закономерным порождением античной цивилизации и не могло возникнуть вне ее социального контекста.

Этапы развития античной цивилизации в рамках Римской державы

В римской истории можно выделить два важных рубежа, связанных с эволюцией римского гражданства и античного гражданского коллектива.

Первая переломная эпоха связана с событиями I в. до н.э. , содержание которых определялось борьбой италиков за римские гражданские права. Союзническая война не решила эту проблему, а лишь сделала ее из внешней по отношению к коллективу римских граждан его внутренней проблемой. Все основные события эпохи кризиса республиканского строя – от

диктатуры Суллы и восстания Спартака до “заговора” Катилины и диктатуры Цезаря – определялись этой проблемой. Возникновение принципата было лишь политической формой, сумевшей обеспечить наиболее полное разрешение этой социальной проблемы.

Результатом наделения италиков правами римского гражданства стало уплотнение античного социального поля в Италии. Муниципальный закон Цезаря был призван унифицировать гражданское устройство италийских городских

общин. Как следствие, этот процесс получил резонанс в западных провинциях. Это вызвало, казалось бы, немотивированные завоевания Цезаря в Галлии. Чуть позднее процесс муниципализации стал развиваться в Южной Галлии и особенно в Испании. Западный центр цивилизации усиливал свой социальный потенциал перед лицом ведущего в социокультурном отношении восточного.

В то же время восточный центр требовал к себе от политической системы адекватного своему потенциалу внимания. Фигура

принцепса оказалась удобной во главе республики потому, что как лидер (вождь) римских граждан, он отвечал интересам италийского центра, а как правитель (император) подданных, он был обязан заботиться и об интересах восточного центра цивилизации. Двойственность общественной структуры порождала двойственный характер ее орудия. Восточный вопрос, как известно, занимал наиболее известных лиц начала имперской эпохи: Помпея, Цезаря, Марка Антония, Германика, возможно, Калигулу, Нерона. Хотя в историографии каждый из них оставил свой след, всех их

объединяет печальная личная судьба, которая вовсе не кажется случайностью. Итальянская знать внимательно следила за восточной политикой. Лишь Веспасиану удалось найти нужную форму занятий восточными проблемами, сохраняя верность римскому сообществу. Но к этому времени соотношение сил между цивилизационными центрами сместилось в сторону более или менее устойчивого баланса.

Целенаправленно проводившаяся в течение века романизация западных провинций дала свои результаты.

Римский муниципальный строй оказался не менее распространенным, чем греческий полисный. Приобщавшийся к цивилизации римлянами Запад очевидно следовал в фарватере их социальной и культурной политики. Во II в. римская знать уже не боялась отпускать на Восток своих императоров. Тайная эллинофобия сменилась более спокойным и взвешенным отношением. К этому времени и сам Восток смирился с политической зависимостью от Рима, поколениями осознавая вторичность своей общественной жизни по сравнению с римской.

Отдушиной для интеллектуалов оставалось культурное первенство. Утвердившееся деление населения империи на римских граждан и peregrini порождало две тенденции. Конформисты стремились заполучить римское гражданство и таким образом почувствовать себя людьми первого сорта. Для этого требовались не только заслуги перед римским государством, но и приобщение к стандартам римской жизни. Те, кому это было недоступно или претило, вставали на путь пассивной конфронтации. Объединяющим началом такой естественно

развивавшейся идеологии нон-конформизма римскому господству и распространению италийских традиций на Востоке стало христианство. Как своего рода государство в государстве, оно объединяло вокруг своих идей всех, кто оказывался на обочине официальной общественной жизни. Эта тенденция развивалась независимо от наличия или отсутствия у аутсайдеров римских гражданских прав, что, с одной стороны, скрадывало оппозиционность христианства, а с другой, повышало его жизнеспособность. Идеологически

это учение всегда было готово
поменять вызвавшую его к жизни
социальную полярность на более
терпимую для власть предержащих.

Две силы медленно, но верно
распространяли свое влияние
навстречу друг другу – римское
гражданство, объединяющим
началом которого было государство,
и христианская идеология, в качестве
объединяющего начала
представленная церковью. Наличие
адептов христианской религии среди
римских граждан и жаждущих стать
римскими гражданами среди
палестинцев, в том числе и христиан,

подчас затемняет суть происходивших процессов. Но теоретически их первоначальная принципиальная конфронтация очевидна. Обе силы объективно стремились к одной цели — объединить в своих рядах все население империи. Каждая из них сформировалась в оппозиционной другой среде: римское гражданство в политически господствовавшей Италии, христианство — в населенных peregrini подчиненных областях некогда эллинистического мира. Два центра античной цивилизации боролись друг с другом за лидерство,

используя разные орудия. Поэтому эта борьба кажется незаметной современным исследователям.

Вторая переломная эпоха в развитии римской цивилизации приходится на III век , начало которого было ознаменовано новым расширением круга римских граждан. С превращением провинциалов в римских граждан почти исчез буферный слой, отделявший гражданский коллектив от варварской периферии. Общественная жизнь граждан вступила в непосредственное соприкосновение с варварской.

Социальное поле, порождавшееся античным гражданством, прежде растрчивавшее свой потенциал на провинциалах, теперь стало более мощно воздействовать на варваров. Поэтому племенной строй варваров стал особенно заметен в римской политике и в источниках со второй половины II – начала III вв. Его давление ощущалось и на саму империю, стимулируя в ней процессы консолидации подданных с гражданами. Это смещение акцентов в отношениях с варварской периферией, обычно выражающееся формулой “перехода империи к

обороне”, проявлялось уже в правление Марка Аврелия.

В течение III в. происходило нивелирование социального поля в империи, выражающееся в распространении римских форм общественной жизни и римского права на получивших гражданство провинциалов. Этот процесс активно разворачивался на территориях, где носителем цивилизации выступал Рим, то есть преимущественно в западных провинциях. Отработанные предшествующими столетиями общественные формы эллинистического Востока не

позволяли римскому влиянию проникать глубоко в толщу общественной жизни этой части империи. Поэтому оппозиция обоих центров империи продолжала сохраняться. В III в. их поля социокультурного влияния пришли в непосредственное соприкосновение, и таким образом сложилась предпосылка для решающей схватки за лидерство в популяции (империи). В течение III в. активно развивалось противостояние двух идеологических систем: официального императорского культа и все более гонимого христианства. Обе главные силы империи постепенно сумели

перенести свою борьбу на единое, подходящее для схватки, поле. Таким полем стала идеология.

Императорский культ, постепенно из римского гражданского культа гения императора принимавший форму эллинистического культа монарха, был призван сплотить воедино граждан и подданных империи на основе официальной идеологии. Его восприятие народными массами наполняло его чертами, близкими архаическим представлениям о сакральной царской власти, в соответствии с которыми цари рассматривались как посредники между мирами богов и людей и

подателями космических благ для последних. В III в. императорский культ стал активно срастаться с культом Солнца, аккумулировавшим в себе почитание небесного светила в различных местных формах от Испании и Италии до Египта и Сирии. Солнце в имперской идеологии символизировало власть над космосом, а император рассматривался как его представитель (посланец) в мире людей. Сходные установки, но в других формах, выработало и христианство с его Единым богом и рожденным им богочеловеком Христом.

Исход борьбы двух центров античной цивилизации за лидерство был предопределен изначально большей прочностью эллинских античных социокультурных форм.

Органичность античного общества Восточного Средиземноморья определялась слитностью обоих таксономических уровней его культуры (этнического и цивилизационного). Длительное доминирование Италии определялось военно-политическим господством Рима, которое позволяло рассматривать в качестве социально значимых только римские гражданские нормы. После

уравнения в гражданских правах всего населения империи в 212 г. и восстановления на этой основе античных общественных форм Диоклетианом, социальное поле империи приобрело формальную однородность. Как только это произошло, оба центра цивилизации оказались в равных условиях, и восточный центр стал быстро наращивать свое преимущество, облекая его в политическую и идеологическую форму.

Исторически, как известно, этот процесс выразился в политике императора Константина и его преемников. Столица империи, то

есть формальный центр популяции, была перенесена на восток в Константинополь, который к концу IV в. развился в реальную альтернативу Риму со всем его гражданством и государственным аппаратом. Одновременно и христианство, перестав быть гонимой идеологией оппозиции официальному обществу, при Феодосии I превратилось в господствующую религию империи.

Таким образом, в течение IV в. происходила концентрация основных орудий манипулирования популяционным полем —

политического аппарата и идеологической системы – в руках восточного центра цивилизации. Одновременно началась утрата Италией качеств центра цивилизации (популяции). Плотность популяционного поля в западных, оказавшихся теперь удаленными от реального центра цивилизации провинциях стала снижаться. Конкурентом городской общине (муниципию) на западе стало крупное сельское поместье, квази-муниципальный характер организации которого способствовал превращению его в центр притяжения окрестного населения. В

поле социальной норматики западного мира начинают появляться лакуны, заполнявшиеся неантичным варварским содержанием. Это способствовало проникновению на эту часть территории популяции находящихся в зоне ее притяжения племенных групп. Различие между этими варварами и римлянами кельто-иберийского или иного происхождения в IV-V вв. было не столь существенным, как различие между германцами и римлянами в эпоху Цезаря и Тацита. Самосознание провинциалов пыталось утвердить эту ускользавшую грань повышенным

вниманием к своему статусу “римлян”, но эта попытка не подпитывалась реальной основой. В то же время плотность популяционного поля в Восточном Средиземноморье повысилась, а различие между готами и персами и ромеями имело реальную основу. Парадоксально, но к концу позднеантичной эпохи оба центра античной цивилизации поменялись своими орудиями: политические институты оказались на Востоке, а Запад "довольствовался" христианством.

Позднеантичное общество

Наиболее характерной чертой традиционного взгляда на римскую историю является настойчивое стремление рассматривать ее последние века как эпоху кризиса и упадка. Одни исследователи видят в ней упадок “римского духа”, другие – кризис античной культуры, третьи – экономический упадок и обнищание населения, четвертые – политическое и военное ослабление под натиском варваров, пятые – кризис рабовладельческого строя, шестые – закат античного городского строя и основанной на нем цивилизации, седьмые – упадок

рыночной экономики и натурализацию хозяйства, восьмые — ориентализацию государства, поработившего и доведшего до упадка общество. Различные сочетания этих и других компонентов кризиса создают впечатление историографического разнообразия подходов к позднеримской истории, объединенных, однако, общим исходным постулатом (своего рода аксиомой): в IV-V вв. римское общество находилось в состоянии неотвратимого упадка, помешать которому не могли никакие усилия государства или отдельных

императоров. Неясна лишь причина столь неумолимого разрастания кризисных явлений, за проявления которых принимаются практически все стороны экономической, общественной, политической, культурной жизни, изменения в идеологии и военной практике.

В последние десятилетия среди исследователей приобретает популярность подход, в соответствии с которым позднеантичное общество было не упадком, а закономерным этапом развития античной цивилизации. Реформы Диоклетиана попытались приспособить прежние

формы административной системы и внутренней политики к многократно возросшему в течение III века гражданскому коллективу. Но оказалось, что двадцатимиллионному коллективу граждан уже не могут быть в полной мере адекватны принципы общественной жизни Принципата, даже скорректированные Северами. Реформы Константина освободили внутреннюю политику от некоторых, слишком тесно связанных с культурным наследием городской полисной жизни и потому устаревших, форм. С этого времени началась борьба античных

общественных традиций с новыми, имперскими формами политики и общежития. Поскольку сходные формы взаимоотношений государства и общества, монарха и городских общин, уже были выработаны в условиях монархий эллинистического мира, этот процесс зачастую производит впечатление эллинизации (или ориентализации) Римской империи. Христианство, особенно на Востоке, активно помогало этому процессу на стороне государства, стремясь занять нишу господствующей идеологии империи. Естественно, что его оппонентом оказалась античная

культура в римской оболочке, связанная с городским обществом. Переходный период подвижного равновесия между общинным городским началом и формирующейся имперской государственной структурой занял около двух столетий (с начала IV до второй половины VI века). Это условное равновесие и определяло своеобразие лица позднеантичного общества.

Развитие всякого общества выражается в трансформации одних его форм в другие. Позднеантичное общество естественным образом

выросло из Ранней империи. Кризис III века выглядит способом выработки политического орудия для решения новых социальных задач, а административная политика Диоклетиана – способом применения этого орудия. Император, из вождя-принцепса гражданского коллектива ставший доминусом-господином, подобно отцу фамилии, в частном праве представлявшему все семейство, персонифицировал теперь все гражданское население Империи. Это отождествление общества с императором было осмыслено Евсевием Кесарийским в форме

посредничества императора между гражданами и христианским богом. Император был призван контролировать распределение прав и обязанностей между гражданами. Но возросшие размеры гражданского коллектива теперь не позволяли соблюдать единство прав и обязанностей. Поэтому продолжавшее мыслить себя в качестве гражданского коллектива общество начало разделяться на сословия. Фиксация прав и обязанностей каждого их сословий — сенаторы, куриалы, сельские плебеи, члены ремесленных коллегий, колоны и т.п. — происходила

постепенно до середины V века, а окончательные формы приняла только в законодательстве Юстиниана. Поэтому позднеантичное общество IV – начала V веков существенно отличалось от позднеантичного общества второй половины V – первой половины VI веков. Но пока основной ячейкой популяционного поля продолжала оставаться городская гражданская община, общество сохраняло свою генетическую связь с Античной цивилизацией.

Идеологическая борьба внутри этого общества, оформлявшаяся в оболочку то верности античным римским культам, то преданности новому христианству, то особой его разновидности, вращалась вокруг вопросов прав и взаимных обязанностей гражданина, общества и государства, персонифицированного императором. "Новое" христианство освободило религиозную сферу от национальной римской специфики, сохранив все античные теоретические представления о власти. Общество по-прежнему мыслило себя гражданской (затем

это стало называться — христианской) общиной, только теперь ей противостояли не жившие внутри границ империи перегрины, а варвары за пределами империи. Христианизация империи привела к тому, что принимавшие христианство приграничные варвары становились частью своего, христианского мира. Развивавшееся отчуждение гражданина и государства толкало его к сближению с варварами, в мире которых еще отсутствовала жесткая система угнетения. Варварский мир, вскормленный на границах империи, естественным образом перетек в его пределы, довершив разрушение связи

государственных структур и общества там, где они были ослаблены. Местное население западных римских провинций более чем в десять раз превышало число переселившихся на их территорию германцев. Сломав римскую государственную машину, они не могли нарушить уклад жизни рядового населения. Большинство завоеванных "римлян" явно хотело быть завоеванными. Через два-три столетия бывшие римляне ассимилировали завоевателей и на территории бывшей империи начал развиваться феодальный строй, переход которого в зрелую стадию,

однако, привел к античному
Ренессансу.

Система связей гражданин-город-государство в Восточном Средиземноморье имела более прочные корни, чем на Западе. Поэтому Восточная империя оказалась более устойчивой по отношению к давлению варварской периферии. Для Византии большую опасность представляло соседство с Ближневосточной цивилизацией, часть территории которой римляне завоевали в свое время.

Сформировавшаяся задолго до Античной здешняя цивилизация со

своими социо-нормативными принципами не принимала чуждых античных форм общественной организации. Орудием борьбы с ними стал ислам, превратившийся в действенный цивилизационный инструмент только с распространением в Египте и на Ближнем Востоке. Ренессанс Ближневосточной цивилизации, оформленной некогда Ахеменидами, в мусульманской оболочке существенно потеснил христианский, или, иными словами, бывший римский, мир. Борьба исламского и христианского миров в эпоху средневековья была

логическим продолжением борьбы римлян с парфянами и персами, но уже на иных рубежах и под иными лозунгами. Как и в случае с германскими варварами, политическое и идеологическое развитие исламского мира было спровоцировано соседством с Римской цивилизацией. Но если на Западе имел место симбиоз империи и варварского мира, то на Востоке развивалось их постоянное противостояние и соперничество.

Восточная Римская империя в течение V и VI веков еще боролась за сохранение социо-нормативных

принципов Античной цивилизации, но к VII веку оказалась в соседстве с теснившими ее новыми социально-политическими формами Западной Европы и Ближнего Востока. Напряжение сил существенно изменило соотношение общества и государства в пользу последнего. Византия была вынуждена приспособливаться к новым условиям своего существования. Античное наследие в общественной жизни стало непозволительной роскошью и превратилось в пережившую свое время традицию.

